
ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ НОРМЫ И ОСОБЕННОСТИ ИХ СТРУКТУРЫ

Р.В. Шагиева

Кафедра конституционного и уголовного права
Филиал Российского государственного социального университета в г. Люберцы
ул. Юбилейная, 5А, Люберцы, Россия, 140011

Статья посвящена научному анализу внутреннего строения процессуально-правовых норм, в ходе которого на основе изучения действующего процессуального законодательства выявлены структурные элементы процессуально-правовой нормы, показана их специфика. В статье представлено авторское видение реальной структуры правовой нормы, отличающееся от традиционной трехчленной модели.

Ключевые слова: правовая норма, структура правовой нормы, диспозиция, санкция, гипотеза процессуально-правовой нормы, факультативные структурные элементы процессуально-правовой нормы.

Как и все правовые нормы, процессуально-правовые нормы представляют собой общеобязательные правила поведения, установленные или санкционированные государством в целях регулирования общественных отношений.

Внутреннее строение правовых норм не отличается однообразием. Среди элементов, из которых она образуется, имеются родовые, обязательные для любых норм права, и видовые, присущие только отдельным их видам. Обязательными родовыми элементами правовой нормы являются только диспозиция и санкция, соответственно регулирующие два взаимосвязанных отдельных общественных отношения.

Без описания модели желаемого поведения участников первого общественного отношения, содержащегося в диспозиции, правовая норма становится бессмысленной и оказывается не в состоянии выполнять свою регулиющую роль в общественной жизни. Точно так же всякая попытка игнорировать санкцию, содержащую указания на меры обеспечения действия диспозиции, применяемые в рамках другого, обеспечительного отношения, неминуемо превращает требования права в бесполезные «добрые» советы и призывы.

Без учета последствий и результатов поступков людей в правовой сфере утрачивается суть самого правового предписания, содержащегося в диспозиции. Даже в философской литературе не без оснований подчеркивалось, что отказ от признания необходимости санкции в социальных нормах ведет к отказу от признания социальной природы действующих в обществе норм [16. С. 42].

Отказ от признания обязательного и одновременного сосуществования в составе правовой нормы как диспозиции, так и санкции привел отдельных ученых-юристов к идее о расщеплении реально существующей нормы права на

нормы-предписания, в каждом из которых различаются по два элемента (либо гипотеза и диспозиция, либо гипотеза и санкция), и к обоснованию «логической» нормы, имеющей «полный набор» правовых, государственно-властных свойств [2. С. 83, 95].

Вряд ли можно согласиться с рассмотрением гипотезы, диспозиции как элементов сугубо логической структуры, поскольку при этом центр тяжести переносится в область логических операций. Структура в философской литературе справедливо рассматривается в виде системы объективно существующих элементов. Структура объективна, она — не порождение сознания человека, а отражение характера соотношения реальных элементов [14. С. 18]. Довольно серьезные возражения имеются и в юридической литературе относительно понятия «логическая норма» [19. С. 73], остается лишь присоединиться к высказываемым соображениям.

Что касается возможных в той или иной норме гипотезы, указания на субъектный состав и цель, то их факультативность неравнозначна второстепенности, нереальности. В тех нормах, в которых они присутствуют, эти элементы составляют во взаимосвязи с другими объективно существующую структуру, каждый элемент которой несет определенную функциональную нагрузку в регулировании соответствующих общественных отношений [6].

В сфере юридического процесса существуют как базовые, так и периодически возникающие при наличии (отсутствии) определенных жизненных обстоятельств общественные отношения. Поэтому нормы процессуального права по своему внутреннему строению можно разделить на нормы постоянного действия и дискретные нормы. В тех и других обязательными являются лишь диспозиция и санкция. Поэтому в первую очередь остановимся на особенностях этих элементов норм процессуального права. Остальные структурные элементы (гипотеза, указание на цель и на субъектный состав) также заслуживают рассмотрения применительно к той разновидности процессуально-правовой нормы, в состав которой они входят.

Диспозиция. Представляет собой ту часть нормы процессуального права, в которой обозначается модель желаемого поведения участников регулируемого общественного отношения в сфере юридического процесса. Особенности диспозиций процессуально-правовых норм связаны со спецификой самой процессуальной деятельности и регулируемых общественных отношений, о которой упоминалось ранее. В процессуальной литературе чаще всего обращают внимание на то, что:

- все предписания процессуальных норм носят процедурный характер;
- они, как правило, адресуются субъектам, которые наделены властными полномочиями по применению норм материального права (1) [18. С. 36].

Процедурный характер диспозиций процессуально-правовых норм обуславливает их сложную конструкцию. Это выражается в том, что:

- в силу множественности участников процессуальной деятельности отношения между всеми ними требуют обозначить последовательность и образ действия каждого из них. В процессуальном законодательстве легко отыскать при-

меры, подтверждающие данный тезис: это и порядок очной ставки (ст. 192 УПК РФ), и порядок допроса (несовершеннолетнего свидетеля в особенности — ст. 191 УПК РФ), и последовательность проведения иных процессуальных действий — порядок допроса свидетеля в гражданском процессе (ст. 177 ГПК РФ), порядок судебных прений в арбитражном судопроизводстве (ст. 164 АПК РФ), порядок рассмотрения дел об административном правонарушении (ст. 29.7 Кодекса РФ об административных правонарушениях), распорядок заседания Конституционного Суда РФ (ст. 57 ФКЗ «О Конституционном суде РФ»);

– в ходе процессуальной деятельности ее результаты должны быть вполне определенным образом объективированы вовне, что не может не сказаться на характере диспозиции норм процессуального права. В итоге она моделируется в многочисленных статьях процессуального закона, регламентирующих порядок оформления тех или иных процессуальных действий. Таковы ст. 146, 166, 171, 174, 204, 213, 220, 259, 303, 304, 305, 306–308 УПК РФ, ст. 155 АПК РФ, ст. 33 ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации», ст. 29.8 и 29.10 КоАП РФ, ст. 38, 39 и 75 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»;

– задачи процессуальной деятельности ориентируют не просто на совершение тех или иных процессуальных действий, а на их своевременность, на выполнение их в определенный промежуток времени. Поэтому в диспозициях процессуально-правовых норм встречаются указания на временные рамки совершаемых процессуальных действий. Например, сроки содержания под стражей обозначены в ст. 109, срок предварительного следствия — в ст. 156, время допроса — в ч. 2 ст. 187 УПК РФ. В гражданском процессе юридическое значение может иметь исчисление процессуальных сроков, закрепленное в ст. 107–112. Арбитражное судопроизводство учитывает сроки рассмотрения апелляционной и кассационной жалоб (ст. 267 и 285 АПК РФ), а в ст. 386 Трудового кодекса РФ предусмотрен срок обращения в комиссию по трудовым спорам. Сроки рассмотрения дел об административных правонарушениях установлены и в ст. 29.6 в КоАП РФ;

– иногда законодатель придает значение и месту совершения процессуальных действий — производства предварительного расследования (ст. 152 УПК РФ), личного обыска (ч. 2 ст. 184 УПК РФ), проверке показаний на месте (ст. 194 УПК РФ). В гражданском процессуальном законодательстве учитывается (ст. 118 ГПК РФ) перемена адреса во время производства по делу, неизвестность места пребывания ответчика (ст. 119 ГПК РФ), а в ст. 184 ГПК РФ устанавливается возможность осмотра на месте. В Федеральном законе РФ «О Третейских судах в Российской Федерации» (ст. 20) обозначено место третейского разбирательства, а в КоАП РФ (ст. 29.5) — место рассмотрения дела об административном правонарушении. Местопребывание Конституционного Суда Российской Федерации закреплено в ст. 115 ФКЗ «Конституционном Суде Российской Федерации».

Некоторые исследователи те статьи процессуального закона, в которых конкретизируется процесс осуществления тех или иных процессуальных прав и обязанностей, а равно устанавливается строгая последовательность действий

участников юридического процесса, иногда называют конкретизирующими предписаниями, дополняющими генеральные (ст. 42 «Потерпевший», ст. 44 «Гражданский истец» УПК РФ).

По мнению С.С. Алексеева, такое «обрастание» правовых норм конкретизирующими предписаниями приводит к возникновению первичных правовых блоков, которые он называет первичными ассоциациями. Однако в данном случае в роли ассоциаций предписаний выступает то, что представляет собой лишь внешнее, текстуальное выражение единой сложной диспозиции нормы процессуального права. Во всяком случае, по конкретному делу реализация всех необходимых статей процессуального закона, содержащих как генеральное, так и конкретизирующие предписания, происходит в рамках единого процессуального отношения, урегулированного единой сложной диспозицией.

Другая особенность диспозиции норм процессуального права (ее адресаты — субъекты, наделенные властными полномочиями) приводит к моделированию в ней особого сочетания прав и обязанностей применительно к компетентным органам и должностным лицам, участвующим в юридическом процессе. Для них в диспозициях компетенционных норм определяются пределы их прав относительно иных лиц и органов и одновременно возлагается обязанность использовать предоставленные права для достижения поставленных целей. Поэтому процессуальные полномочия нельзя в «чистом» виде отнести ни к процессуальным правам, ни к процессуальным обязанностям. По своему назначению они в некотором роде — продукт синтеза как тех, так и других. С юридической стороны главное среди процессуальных полномочий — это права на активные юридически значимые действия (односторонние акты), порождающие, изменяющие или прекращающие конкретные процессуальные правоотношения [1. С. 152].

Санкция. Понимая под ней ту часть нормы процессуального права, где обозначены меры государственного обеспечения действия ее диспозиции, сразу отметим, что для процессуального права, по общему правилу, не характерны поощрительные санкции. В связи с этим этот элемент в процессуальной литературе обычно отождествляется с указаниями на невыгодные последствия невыполнения требований, содержащихся в диспозиции [5. С. 227]. Однако в последние десятилетия идея поощрительных санкций, в том числе и в сфере юридического процесса, все больше пробивает себе дорогу (2).

Как уже отмечалось, ни одна правовая норма не может полноценно существовать без санкций. Порой встречающееся в процессуальной литературе мнение, что «...большинство уголовно-процессуальных норм не содержит санкций за нарушение установленных правил уголовного судопроизводства» [15. С. 57], вряд ли оправданно. В действительности нет ни одной диспозиции норм процессуального права, за нарушение требований которых законодатель не предусмотрел бы определенные юридические последствия в виде тех или иных мер государственных принуждения. Другое дело, что эти меры не всегда содержатся в тексте той статьи, которая фиксирует соответствующую диспозицию. Так, в ст. 258 УПК РФ и ст. 159 ГПК РФ перечислены меры воздействия за нарушение

порядка в судебном заседании, т.е. указаны санкции множества процессуально-правовых норм, регулирующих различные варианты обеспечительных отношений. Но это — вопрос о соотношении норм права и закрепляющих ее элементы статей нормативных правовых актов, а не о санкциях таких норм [7].

Тем не менее, некоторые специалисты в области юридического процесса указывают на так называемые общие процессуальные нормы, которые не имеют собственных санкций [9. С. 34], а охраняются при помощи санкций частных процессуальных норм.

Примеры общих норм, приводимые в обоснование данной позиции, показывают, что под ними понимаются регулирующие базовые общественные отношения в сфере юридического процесса нормы постоянного действия. Но все нормы постоянного действия имеют собственную санкцию, в том числе и процессуально-правовые. Так, согласно п. 2 ч. 2 ст. 381 УПК РФ приговор подлежит отмене, если он вынесен незаконным составом суда.

Иными словами, санкции норм постоянного действия устанавливают правовую ничтожность действий, в чем проявляется их особенность.

Но эта особенность может характеризовать и большинство остальных норм процессуального права, упорядочивающих общественные отношения, которые периодически возникают, изменяются и прекращаются при наличии (отсутствии) определенных жизненных ситуаций, т.е. юридических фактов. Если действие аналогичных норм материального права чаще всего обеспечивается мерами юридической ответственности или принудительным исполнением обязанности, которая должна была исполняться добровольно, то диспозиции норм процессуального права (как постоянного действия, так и иных) обеспечиваются чаще всего при помощи угрозы отмены решений, правовой ничтожности действий [8].

Это обстоятельство правильно подмечено теми представителями науки уголовного процесса, которые указывают на то, что «наиболее характерны для уголовного процесса восстановительные санкции: отмена незаконного процессуального решения, возвращение дела на дополнительное расследование или на новое судебное разбирательство и т.д. Как правило, они применяются, когда нарушен закон при принятии процессуальных решений. Эти меры представляют собой не что иное, как средство реагирования со стороны государства на процессуальные нарушения, допущенные должностными лицами и государственными органами, осуществляющими производство по делу» [4. С. 129].

Причина распространенности этого вида санкций, обеспечивающих действие норм процессуального права, кроется в назначении юридического процесса, его особых целях и задачах. Поскольку любая разновидность юридического процесса направлена на разрешение юридических дел путем вынесения правовых решений, необходимых для нормального функционирования правовой системы, постольку все существенные отклонения от требований норм процессуальных норм могут привести к незаконности, необоснованности, недоброкачественности принятых процессуальных актов и тем самым нарушить существующий правопорядок. Поэтому в процессуальной сфере важно, прежде всего, добиться аннулирования результатов неправомερных процессуальных дейст-

вий, которые могут исказить содержание не только самого принятого процессуального акта, но и всего юридического процесса в целом.

Нередко одновременно с этим санкционируются и определенные меры в отношении самого лица, допустившего процессуальное правонарушение. Например, п. 7 ч. 2 ст. 37 УПК РФ указывает, что прокурор вправе отстранить лицо, производящее дознание, или следователя от дальнейшего ведения дознания или следствия, если ими допущено нарушение закона при расследовании дела.

Неубедительным представляется высказанное в процессуальной литературе предложение не признавать санкциями отмену незаконных и необоснованных решений, наступление невыгодных процессуальных последствий, поощрительные меры и т.д. При этом санкции правовых норм сводятся лишь к одному виду — карательным [11. С. 95].

Как видим, среди ученых-процессуалистов нет единства мнений по вопросу, какие именно меры государственного воздействия считать собственно санкциями норм процессуального права. Круг последних или неосновательно расширяется или, наоборот, сужается.

Некоторые авторы без достаточных оснований включают в систему санкций процессуально-правовых норм меры пресечения, отстранение от должности обвиняемого, выемку, освобождение незаконно лишеного свободы или содержащегося под стражей свыше срока, предусмотренного законом или судебным приговором (Л.Б. Зусь и др.). Между тем эти действия являются гарантиями достижения целей процесса или средствами их достижения, но не выступают мерами обеспечения действия той или иной (конкретной) нормы процессуального права, а основанием их применения не является нарушение требований диспозиции этой нормы. Только в одном случае упомянутая мера пресечения может (одновременно с основной своей функцией в процессе) выступать и в роли санкции нормы процессуального права.

Речь идет о возможности изменения меры пресечения на более строгую, когда это вызывается обстоятельствами дела (ст. 110 УПК РФ). Но это как раз есть случай отклонения от требований диспозиции нормы процессуального права, в которой устанавливалась первоначально избранная мера пресечения. Аналогичной позиции придерживается также и М.Л. Баранов [3].

С другой стороны, не следует, очевидно, исключать из числа санкций норм процессуального права предусмотренное предписанием ст. 258 УПК РФ предоставление суду права налагать на граждан, присутствующих при разбирательстве дела, штраф за нарушение порядка в судебном заседании и другие подобные меры.

Представляется недостаточно обоснованным мнение, что здесь речь идет о нарушении требований материального, а не процессуального права, что наложение судом штрафа является реализацией санкции административно-правового характера и к процессуальной ответственности никакого отношения не имеет [12. С. 101].

Нельзя не учитывать, что взаимоотношение суда и участников судебного заседания регулируется нормами не материального, а процессуального права и

за нарушение порядка в судебном заседании граждане не только могут быть подвергнуты штрафу, но и удалены из зала заседания. Это показывает направленность данной санкции именно на достижение конечной цели юридического процесса. Нарушение порядка в судебном заседании является нарушением требований диспозиции именно процессуального права, и применяемые к нарушителю меры вполне охватываются содержанием санкции этой нормы. Тем более что санкции сами по себе не могут носить материального или процессуального характера, так как регулируют особые — обеспечительные (охранительные) отношения [7. С. 93–95], существующие как необходимое дополнение к объекту правового регулирования со стороны материального или процессуального права. Разграничение норм на материальные или процессуальные проводится по характеру общественных отношений, упорядочиваемых диспозициями правовых норм, ибо именно им объективно присуще свойство материальности или процессуальности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Единственное уточнение необходимо сделать в том отношении, что наиболее ярко данная специфика проявляется в диспозициях дискретных норм как типовых.
- (2) Со ссылкой на П.А. Сорокина, Л.С. Мамута, В.С. Жеребина, Л. Фридмана, П. Сандеуара, разделяющих такой подход, А.В. Малько пишет: «Признание все большим числом поощрительных санкций могло бы, по нашему мнению, способствовать дальнейшему развитию научной мысли и юридической практики по пути расширения позитивных начал в праве, увеличения “стимулирующего веса” его средств, более разностороннему использованию управленческих методов воздействия на субъектов» [13].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Алексеев С.С.* Общая теория права. В 2 т. — Т. 2. — М., 1982.
- [2] *Алексеев С.С.* Структура советского права. — М.: Юрид. лит., 1975.
- [3] *Баранов М.Л.* Конституционно-правовые основы деятельности Президента Российской Федерации в системе исполнительной власти // Правовая инициатива. — 2011. — № 1.
- [4] *Ветрова Г.Н.* Ответственность в сфере уголовно-процессуальных отношений // Советское государство и право. — 1982. — № 1.
- [5] *Горшенев В.М.* Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. — М.: Юрид. лит., 1972.
- [6] *Грудцына Л.Ю.* Гражданское общество и сфера частных интересов // Образование и право. — 2012. — № 12 (40).
- [7] *Грудцына Л.Ю.* Гражданское общество и частное право // Новый юридический журнал. — 2013. — № 2.
- [8] *Грудцына Л.Ю.* Развитие личной свободы индивида как основа формирования гражданского общества // Право и жизнь. — 2011. — № 151 (1).
- [9] *Зусь Л.Б.* Механизм уголовно-процессуального регулирования. — Владивосток, 1976.
- [10] *Крохина Ю.А.* Валютное законодательство Российской Федерации: структура и особенности // Правовая инициатива. — 2012. — № 6.
- [11] Курс советского гражданского процессуального права / Ред. кол.: А.А. Мельников и др. В 2 т. — Т. 1. — М., 1981.
- [12] *Мельников Ю.И.* Природа и содержание норм процессуального права в социалистическом обществе. — Ярославль, 1976.

- [13] Проблемы теории государства и права / Под ред. М.Н. Марченко. — М.: Алфавит, 2002.
- [14] Свидерский В.И. О диалектике элементов и структуры в объективном мире и в познании. — М., 1962.
- [15] Советский уголовный процесс. Общая часть: Учебник / Под ред. Викторова и Чугунова. — М., 1973.
- [16] Хайкин Я.З. Структура и взаимодействие моральной и правовой систем. — М., 1972.
- [17] Шагиева Р.В. Природа правоохранительной деятельности // Некоторые проблемы современной науки: Тезисы конференции молодых ученых 6–7 февраля 1992 г. — Ярославль, 1992.
- [18] Юридическая процессуальная форма: теория и практика / Под ред. Недбайло П.Е. и Горшенева В.М. — М., 1976.
- [19] Явич Л.С. Право и общественные отношения. — М., 1971.

PROCEDURAL RULES OF LAW AND FEATURES OF THEIR STRUCTURE

R.V. Shagieva

The Department of Constitutional and Criminal Law
Branch of the Russian State Social University in Lyubertsy
5A, Yubilejnaya st., Lyubertsy, Russia, 140011

Above article is devoted to the scientific analysis of an internal structure of procedural rules of law during which on the basis of studying of the existing procedural legislation structural elements of the procedural rule of law are revealed, their specifics is shown. Author's vision of real structure of the rule of law is presented in article, different from traditional tripartite model

Key words: rule of law, structure of the rule of law, disposition, sanction, hypothesis of the procedural rule of law, facultative structural elements of the procedural rule of law.

REFERENCES

- [1] *Alekseev S.S.* Obschaya teoriya prava. V 2 t. — Т. 2. — М., 1982.
- [2] *Alekseev S.S.* Struktura sovetskogo prava. — М.: Yurid. lit., 1975.
- [3] *Baranov M.L.* Konstitutsionno-pravovye osnovy deyatelnosti Prezidenta Rossijskoj Federatsii v sisteme ispolnitel'noj vlasti // Pravovaya initsiativa. — 2011. — № 1.
- [4] *Vetrova G.N.* Otvetstvennost' v sfere ugovolno-protsessual'nykh otnoshenij // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. — 1982. — № 1.
- [5] *Gorshenev V.M.* Sposoby i organizatsionnye formy pravovogo regulirovaniya v sotsialisticheskom obschestve. — М.: Yurid. lit., 1972.
- [6] *Grudtsyna L.Yu.* Grazhdanskoe obschestvo i sfera chastnykh interesov // Obrazovanie i pravo. — 2012. — № 12 (40).
- [7] *Grudtsyna L.Yu.* Grazhdanskoe obschestvo i chastnoe pravo // Novyj yuridicheskij zhurnal. — 2013. — № 2.

- [8] *Grudtsyna L.Yu.* Razvitie lichnoj svobody individa kak osnova formirovaniya grazhdanskogo obschestva // *Pravo i zhizn'*. — 2011. — № 151 (1).
- [9] *Zus' L.B.* Mekhanizm ugovovno-protssessual'nogo regulirovaniya. — Vladivostok, 1976.
- [10] *Krokhina Yu.A.* Valyutnoe zakonodatel'stvo Rossijskoj Federatsii: struktura i osobennosti // *Pravovaya initsiativa*. — 2012. — № 6.
- [11] Kurs sovetskogo grazhdanskogo protssessual'nogo prava / Red. kol.: A.A. Mel'nikov i dr. V 2 t. — T. 1. — M., 1981.
- [12] *Mel'nikov Yu.I.* Priroda i sodержanie norm protssessual'nogo prava v sotsialisticheskom obschestve. — Yaroslavl', 1976.
- [13] Problemy teorii gosudarstva i prava / Pod red. M.N. Marchenko. — M.: Alfavit, 2002.
- [14] *Sviderskij V.I.* O dialektike elementov i struktury v ob#ektivnom mire i v poznanii. — M., 1962.
- [15] Sovetskij ugovovnyj protsess. Obschaya chast': Uchebnik / Pod red. Viktorova i Chugunova. — M., 1973.
- [16] *Khajkin Ya.Z.* Struktura i vzaimodejstvie moral'noj i pravovoj sistem. — M., 1972.
- [17] *Shagiya R.V.* Priroda pravookhranitel'noj deyatel'nosti // *Nekotorye problemy sovremennoj nauki: Tezisy konf-tsii molodykh uchenykh 6–7 fevralya 1992 g.* — Yaroslavl', 1992.
- [18] *Yuridicheskaya protssessual'naya forma: teoriya i praktika* / Pod red. Nedbajlo P.E. i Gorsheneva V.M. — M., 1976.
- [19] *Yavich L.S.* Pravo i obschestvennye otnosheniya. — M., 1971.